
ЭССЕ

ОТЧУЖДЕНИЕ И БЫТИЕ

*Марков Борис Васильевич – д.ф.н.,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета*

Философские взгляды Маркса и Хайдеггера сформировались в контексте нужды и чрезвычайных обстоятельств. Это была эпоха классовой

борьбы и войн за мировое господство. После разгрома фашизма мир разделился на два лагеря и сложился относительно устойчивый баланс сил. В развитых капиталистических странах пролетариат уже не потрясал устоев общества, наступала эра, если не благоденствия, то благополучия. Ответом на это стали такие направления в философии, как неопозитивизм, феноменология, герменевтика, структурализм, теория систем, синергетика. Марксизм и хайдеггерианство, хотя и обвиняемые в экстремизме, нашли прибежище в университетах и остаются основаниями социальных наук.

Но ситуация изменяется. В свете нынешнего очередного кризиса, а также военных действий против Югославии, Афганистана и Ирака, возникают сомнения относительно того, что капитализм цивилизовался, озаботился защитой прав человека, перешел в стадию устойчивого развития. После развала Советского Союза на смену «холодной войне» пришли настоящие, «горячие» войны. В России происходит обнищание народа и обогащение верхушки. Да и на Западе уже меньше идут на уступки трудящимся. В случае взрыва классовой борьбы то, чему раньше учили в университете, вновь окажется востребованным на улице. Судя по популярности работ П. Бурдьё, марксистские понятия «пролетарии» и «буржуа», «прибавочная стоимость» и «труд», «овеществление» и «отчуждение» вновь наполняются конкретным содержанием и вызывают интерес молодежи. Не менее популярным мыслителем остается Хайдеггер, который обратил внимание на неподлинность человеческого существования.

В связи с этим возникает вопрос, насколько основные концепты Маркса (отчуждение, пролетариат, классовая борьба) и Хайдеггера (бездомность, забвение бытия) работоспособны сегодня. Пролетариат, конечно, идеализировался, но все же нельзя отрицать, что рабочий класс был главным участником революций XX в. Точно так же протест интеллигенции во многом определялся пониманием бытия как отчуждения от собственного способа быть. Никто не есть он сам. Его представляют другие. Эти слова Хайдеггера – парафраза Марксовой характеристики пролетариата и одновременно генерализация тезиса об отчуждении, который приложим ко всем обитателям капиталистического мира.

Молодой Маркс мечтал о преодолении овеществления и возвращении к родовой сущности человека. По смыслу сказанного речь идет о традиционном обществе и народе, который привязан к земле, погружен в свой язык и самобытную культуру. Капитализм разрушает старые коды земли, рода, труда, чести и измеряет все это деньгами. В результате земля продается и покупается, а человек превращается в рабочую силу. Деньги и рынки девальвируют традиционные ценности иерархического общества, где люди разных сословий чувствовали себя звеньями одной цепи, и по-новому объединяют людей в погоне за прибылью.

Маркс полагал, что традиционное родовое общество не знало отчуждения. Однако сегодня иерархическое общество понимают по-другому. Историки консервативно-правого толка противопоставили винкельмановскому романтическому образу Древней Греции и Рима концепцию античного государства как формы власти завоевателей и рабовладельцев, которые стали законодателями и политическими архитекторами. Эти идеи концептуализировал Ницше в своем проекте генеалогии, который продолжал Хайдеггер. Они дали свой ответ на проблему, поставленную Марксом. При этом хайдеггеровская «забота» и другие экзистенциалы напоминают понятия раннего Маркса, который считал существование современного человека неподлинным и свою задачу видел не просто в критике капитализма с позиций обездоленного рабочего, а в поиске подлинно человеческого способа жить.

Отчуждение

Что такое отчуждение? Это, во-первых, превращение вещи, изделия в товар, а человека – в рабочую силу. Во-вторых, это форма сознания, когда я есть такой, каким меня представляют другие. В-третьих, отчуждение становится формой жизни. Проблема отчуждения, поставленная молодым Марксом, стала основной в «западном марксизме», имеющим дело с критикой «общества благоденствия». Однако «отчуждение» – слишком широкое и неопределенное понятие. Многие формы отчуждения не может преодолеть никакая политическая революция. У Маркса в последних главах третьего тома Капитала для характеристики персонификации вещей и овеществления производственных отношений используется понятие овеществления, которое возникает в товарном обращении и существует вместе с товарным фетишизмом. Его основа – равенство, которое социальный процесс устанавливает между неравными видами труда. В товарном обмене труд объективируется в субстанцию меновой стоимости. Абстрактный труд, вместе с превращением рабочей силы в товар, образует фундамент капиталистического способа производства. Стоимость становится уникальной субстанцией и уникальным качеством, присущим всем вещам, подверженным измерению количественных параметров. Вследствие длительного исторического процесса абстрактный труд персонифицируется и продается как собственность «свободным» наемным тружеником, и оценивается временем воплощенного всеоб-

щего общественного труда. Отношение фетишизированного производства превратило продукт в товар; оно также преобразует абстрактный труд в другой товар. Товарный фетишизм делает «естественным» существование особого товара: рабочей силы. Законы эквивалентного обмена между вещами затемняют классовое отношение, подразумеваемое в появлении такого товара. Потребляя особый товар – рабочую силу, капитал начинает расширенное воспроизводство, вплоть до бесконечности. Таким образом, феномен овеществления, берущий начало в обращении, завершает мировой переворот: превращение бытия в мир отношений между вещами, посредством которых общественные отношения производства господствуют над теми, кто, производя, их воспроизводит.

Если овеществление – это «овнешнение» и «опредмечивание», то отчуждение – более сложное явление. Это, во-первых, превращение вещи, изделия в товар, а человека – в рабочую силу. Во-вторых, это форма сознания, когда я есть то, как меня представляют другие. Рабочий смотрит на себя глазами буржуа. Капиталист не просто превращает человека в рабочую силу, но и навязывает ему свое представление о нем как о рабочем. В-третьих, отчуждение становится формой жизни. Человек работает, платит налоги, ходит за покупками, заводит и воспитывает детей и тем самым поддерживает существующий порядок. Природа превратилась в «кладовую сырья», уникальные изделия в товары серийного производства и массового потребления, а человек в рабочего или буржуа. Общество строится на экономической основе, и все измеряется деньгами – эквивалентом абстрактного труда.

В России завершается эпоха накопления капитала – накопление документов на право собственности, имеющей малую цену в результате дезинтеграции старой системы; затем продажа собственности в момент повышения цены. Капитализм – не просто спекуляция земельными участками, это инвестиции в производство в условиях наличия дешевой рабочей силы. Капитализм начинается, когда капитал присваивает производство. Спекуляция – купить, где дешево, продать, где дорого, – может существовать в любом государстве. При капитализме деньги рождают деньги благодаря прибавочной стоимости. Капитал относится к типу мертвого труда, который, подобно вампиру, оживает, высасывая живой труд. Он растет на игре двух видов денег – платежа и финансирования. Отсюда различается коммерческий и финансовый капитал. Деньги – не просто платежное средство, это разные формы кредита. Одни деньги определяют стоимость рабочей силы, другие – предприятия. Деньги рабочего и капиталиста – разные.

Хайдеггер тоже критиковал отчуждение, но не считал, что его можно преодолеть революционным способом. Подобно Витгенштейну, он осознавал основополагающее значение описания мира. Хайдеггер указал на то, что понятия метафизики есть не что иное, как выражение воли к власти. Если искажен и заражен язык, то никакое «непосредственное знание» не сможет дать нам адекватного представления о бы-

тии. Последние годы своей жизни Хайдеггер посвятил «деструкции» метафизики и созданию все более сложного языка, который, как он полагал, люди поймут лет через двести и смогут освободиться от вирусов воли к власти. По Марксу, язык – это надстройка, соответствующая тому или иному экономическому базису. Язык, конечно, надо менять, но это происходит не автономно, а в тесной взаимосвязи с практическим изменением мира. Не отрицая роли лингвистических революций, марксисты отдавали приоритет борьбе классов.

Консервативная революция

Во «Введении в метафизику» Хайдеггер противопоставил национал-социализму американскую демократию и русский социализм. Их онтологический смысл видится в сопряжении планетарно предназначенной техники и человека Нового времени. Марксизм, согласно Хайдеггеру, был одной из законченных форм западного нигилизма, ибо он стремился сделать человека господином сущего. Проблема состоит в том, является ли это теоретическим заблуждением или оправданием политического выбора. То, что марксизм был превращен в «идеологическую надстройку», еще не позволяет отождествлять мышление Маркса с инструментальной идеологией, тем более нельзя сводить марксистские воззрения, как желал Хайдеггер, к триумфу «человеческих потребностей» и их «удовлетворению». Такая интерпретация идей Маркса превращает их в полную банальность. Общество производит человека как «человека» и само производится им. Именно в этом смысле «природа» человека определяется обществом. Его история в равной мере берет свое начало в истории природы и неотделима от нее. Свершение истории зависит от актуального решения и от практики пролетариата. Всякое иное решение (индивидуальное экстатическое открытие или божественный зов) не преодолевает овещствление.

В «Бытии и времени» Хайдеггер дважды упоминает понятие овещствления, не ссылаясь на Маркса. Во введении он писал о том, что разговор о нем предполагает выявление онтологического основания вещи, в противном случае разделение субъекта и объекта останется не преодоленным. Второй раз термин овещствление упоминается в конце книги. Хайдеггер пишет: «Что античная онтология работает с «веще-понятиями» и что есть опасность «овеществить сознание», известно давно. Только что значит овещствление? Откуда оно возникает? Почему бытие «постигают» именно «ближайшим образом» из наличного, а не из подручного, которое лежит еще ближе? Почему это овещствление снова и снова приходит к господству? Как позитивно структурировано бытие «сознания», так что овещствление оказывается ему неадекватно? Достаточно ли вообще «разницы» «сознания» и «вещи» для исходного развертывания онтологической проблематики? Лежат ли ответы на эти вопросы на

дороге? И получится ли хотя бы искать на них ответ, пока вопрос о смысле бытия вообще не поставлен и не прояснен?»¹

В докладах «Исток художественного творения» и «Вещь» Хайдеггер описывал вещь как аутентичный способ раскрытия бытия. Суть дерева и камня выражает не химическая формула, как у Энгельса, а изделие мастера. Рука столяра, терпеливо обрабатывающая поверхность дерева, выводит его суть наружу в виде стола, стула и других изделий. Хайдеггер не избежал эстетизации и романтизации вещи, приписав ей онтологическую ауру, передаваемую тонко чувствующему индивиду, душа которого посредством обращения с вещами входит в резонанс с ритмами бытия и преодолевает отрыв искусства от «поэзии и правды» жизни. Но то, как на самом деле, т. е. в современной практике дизайна, моды произошло сближение искусства с вещами, весьма далеко от хайдеггеровского идеала «мыслителя-поэта». Авангардисты приняли попытки разрушить ауру выставочных залов и репрезентировать обыкновенные серийные изделия вроде консервных банок и унитазов. Однако это можно воспринимать не только как китч, но и как критику, отчаянную попытку искусства путем самоубийства обнаружить банальность вещей.

В «Письме о гуманизме» Хайдеггер обращается к «Рукописям 1844 г.»: «Марк требует познать и признать «человечного человека», *der menschliche Mensch*. Он обнаруживает его в «обществе». «Общественный» человек есть для него «естественный» человек. «Обществом» соответственно обеспечивается «природа» человека, т. е. совокупность его «природных потребностей» (пища, одежда, воспроизведение, экономическое благополучие).² Хайдеггер переписывает тезис Маркса об отчуждении в понятиях бездомности и безродности. В «Капитализме и шизофрении» Делез разделяет с Марксом и Хайдеггером протест против капитализма. Феномен отчуждения он тоже описывает в терминах детерриториализации. Законы родового общества регулировали порядок воспроизводства Рода и Земли. Капитализм разрушил старые коды и ввел новые, основанные на купле и продаже.

Маркс описывает рождение капитализма как встречу пролетария и капитала, покупающего рабочую силу. Общество воспроизводит себя в отношениях людей. Индивидуальные лица формируются как общественные личности. Но воспроизводство общественных фигур осуществляется в человеческом материале. Как же частные лица способны быть носителями общественных лиц? Можно перевернуть вопрос: что происходит, когда общественные роли играют индивидуумами? Они утрачивают свою самость и ведут отчужденный образ жизни.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 437.

² Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб., 2007. С. 271.

Единственная социальная группа, желающая уничтожить овеществление и прийти к неовещественному сознанию – это пролетариат. Согласно Марксу, постижение своего существования как товара становится для пролетариата вопросом жизни и смерти. Ему необходимо понять и разрушить формы овеществленной объективности. Под страхом полного уничтожения пролетариат должен действовать, но его действие предполагает его собственное исчезновение как социального класса, поскольку это действие нацелено на общество без классов. Таким образом, пролетариат – это единственный класс в истории, способный достичь истины, основы своей практики и своего появления в истории, потому что он единственный класс, способный осмыслить и желать своего собственного уничтожения.

В 30-е годы народник и почвенник Хайдеггер, не без влияния Э. Юнгера, видел в рабочем хранителе бытия. Германия, немецкий народ и его цвет рабочий – вот что заботит Хайдеггера. Германия зажата между двумя супердержавами, сделавшими ставку на технику. Однако философ не выдвигает лозунг типа «Догнать и перегнать!» Техника, по Хайдеггеру, – это высшее проявление воли к власти, которая, если ее ничем не ограничивать, приведет к нигилизму и опустошению земли. Видя разрушительные последствия технократии и демократии, Хайдеггер сделал ставку на традиционные ценности. Хотя его взгляд не устремлен в будущее, а прикован к настоящему, неверно считать его апологетом буржуазного общества. Хайдеггеровская критика современности не уступает Марксовой и, может быть, лучше соответствовала реалиям XX в. Благополучие росло, накал классово-борьбы снижался, а отчуждение проявлялось теперь на фоне не бедности, а достатка.

Марксизм умер?

Прежде всего следует перечислить причины как популярности, так и отказа от марксизма. Доверие к нему было вызвано: 1) возникновением социалистических государств на основе революционного разрушения государства как орудия угнетения рабочих; 2) крушением империализма; 3) рабочим движением на Западе, когда компартии, профсоюзы стали важнейшими политическими факторами.

Кризис марксизма обусловлен: 1) разоблачением сталинизма и распадом СССР; 2) переосмыслением результатов национального освобождения (так, сначала в Европе протестовали против американской агрессии, но потом разочаровались во вьетнамском социализме); 3) отсутствием органической связи марксизма с рабочим движением. Польская «Солидарность», с одной стороны, подтвердила способность рабочих к борьбе за освобождение, а с другой, выступала против марксизма.

Надо признать, что разоблачение сталинизма и маоизма во многом было литературным и журналистским актом. Но и антимарксизм не является адекватной критикой, ибо он реактивен. «То, что современный антимарксизм называет крахом и ложью марксизма, даже не доходит до уровня радикальной мысли о последствиях разруше-

ния марксизма. В кризисе марксизма проблем столько, сколько антимарксизму и не снилось».³ Антимарксизм объединил интеллектуалов критикой тоталитаризма и необходимостью защиты прав человека, но он же привел к реставрации классического понятия политического. Что отсюда следует, что делать дальше? Как быть с принципиальными возражениями и, прежде всего, критикой товарных отношений и отчуждения? Даже построение социализма не привело к снятию отчуждения, и мы это пережили как собственную историю. Как известно, прежде чем учить, надо накормить людей. Это предполагало совершенствование товарных отношений, и вместе с ними всего набора неподлинных, отчужденных отношений. А как сочетать буржуазные по своей сути отношения, действующие и при социализме, с коммунистическим воспитанием класса, который должен уничтожить самого себя, чтобы освободить все общество от отчуждения? Раньше много говорили о коммунистическом воспитании, но очевидно, что эта программа не была достаточно эффективной. Может быть, потому, что экономическое соревнование с капитализмом и коммунистическое отношение к труду принципиально несовместимы. В результате не только рабочий класс «обуржуазился», но и интеллигенция все сильнее отрывалась от интересов народа и все больше заботилась о собственном благополучии. На место «трудящихся» в теории западных марксистов пришли «учащиеся». В качестве претендентов на роль представителей мирового духа стали рассматриваться интеллектуалы-менеджеры. Снова популярны теории элит. Поэтому вопрос о стратегии и тактике революции является вновь актуальным. Предсказать характер трансформации общества – будет это революция менеджеров или что-то иное – вот задача современной философии. Как показала новейшая история России, надежда на постоянную готовность пролетариата к выступлению против буржуазии не оправдалась. Рабочие строят дворцы для своих работодателей. Неудача заставляет, прежде всего, осмыслить марксистское понимание рабочего класса как революционного пролетариата. В свете всемирно-исторической оценки достижений «развитого социализма» возврат капитализма в России можно расценивать как шанс возрождения революционного класса, который готов к собственному самоупразднению. И, судя по растущей у многих ностальгии по прошлому, им будет не только пролетариат.

С позиций настоящей история социализма в России выглядит существенно по-иному, чем в официальном доперестроечном или в критическом дискурсе реформаторов. Можно ли вернуть и повторить старое? Одни считают, что ничто не возвращается, а другие настаивают на законе вечного возвращения. Идеи, скрытые в теории социализма, образуют ядро человеческих желаний, и человечество никогда не откажется от свободы, равенства, солидарности и справедливости. В сущности, этот набор входил и в христианскую идеологию. Однако эти идеи, трансформирован-

³ Бадью А. Можно ли мыслить политику? М., 2005. С. 41.

ные в демократической и социалистической идеологиях XIX и XX вв., радикально отличаются по своему содержанию и, главное, по способам реализации от старого наследия.

На самом деле положение человека не связано напрямую с политической идеологией. Прежде всего, следует разобраться с тем, насколько соответствовал образ советского человека реальности. На словах провозглашался коллективизм и интернационализм, а на деле, особенно начиная с 60-х гг., вследствие повышения уровня жизни и переселения из коммунальных квартир в отдельные, советские люди все глубже погружались в частную жизнь и отличались от жителей Запада разве что количеством потребляемых товаров. Медиумом общения стали деньги. Конечно, не все можно было купить, но опять-таки – это вопрос количества, а не качества. Переход на рельсы рыночной экономики ускоряет процесс индивидуализации. Люди становятся конкурентами и не готовы жертвовать собой ради интересов других.

Нельзя не видеть, что современность строится уже не на основе идеи автономного индивида, который на свой страх и риск занимается производством тех или иных товаров для рынка. Нельзя не видеть, что кроме экономических критериев в современном обществе складываются иные требования. Сегодня уже не кажется честным, что человек – это винтик государства или производства. Люди, конечно, хотят иметь много денег и власти, но уже не идут на ту степень отчуждения, когда власть и деньги идут во вред им самим. Ни традиционные, ни современные общества не могут оцениваться критериями эпохи борьбы капитализма с социализмом. В этой борьбе была забыта гуманистическая сущность социалистического проекта, и на его восстановление должна обратить внимание философия. Человек был и остается главным основанием политической риторики, утверждающей, что все делается ради человека и для его счастья. Любая идеология навязывает оптимистическое видение, и если оно не соответствует действительности, придумываются внутренние или внешние враги. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тормозом светлого капиталистического будущего считают советский менталитет и террористов.

В качестве вывода можно указать на несколько проблем, которые требуют уяснения:

Во-первых, необходимо обсудить статус отчуждения. Является это понятие оценочным или познавательным? Не похоже ли оно на понятие первородного греха?

Во-вторых, не является ли наивной вера в возможность такого общества, целью которого станет человек, его права и свободы, а, главное, – подлинное существование? Хотя бы в теории такую возможность следует учитывать. У Государства свои заботы. Может быть, не стоит нагружать на него еще и решение экзистенциальных проблем, оно для этого не предназначено.

В-третьих, не сохраняется ли в тезисе о не имеющем отечества пролетариате миф о странствующем народе-призраке? Не стоит ли дополнить теорию пролетариата чем-то позитивным?

Многие теоретики считают сегодня рабочий класс консервативной частью общества и возлагают надежды на университетские кампусы, где и вызревают протестные движения. Недовольство учителей, трансформирующееся в протест учеников, во многом определяется размышлениями о том, «кто я и правильно ли я живу». Таким образом, экзистенциальная версия отчуждения становится весьма значимой для динамики современного общества. Например, причинами «перестройки» были не столько «застой» и отставание от передовых стран, сколько интенсивное развитие экономики и повышение материального благосостояния. Именно в эпоху застоя население стало лучше питаться, одеваться и путешествовать. Это привело к росту субъективных требований к уровню жизни, что и стало главным фактором перемен. Теперь народ недоволен развалом Союза, несправедливым распределением общественной собственности. Об этом предпочитают говорить в терминах морали и религии, рассчитывая на удовлетворение чувства справедливости. Единство людей достигается сегодня через масс-медиа. Именно они диктуют, как надо жить. Правит тот, кто навязывает остальным, в чем состоит различие истины и лжи, добра и зла, красивого и некрасивого. Поскольку это происходит посредством рекламы и зрелищ, постольку формы раскрытия отчуждения приобретают существенно иной характер. Критики идеологии для этого уже недостаточно.
